

УДК 930

**Политические репрессии командно-начальствующего состава ЗаБВО.
Дело командира танковой роты М.М. Захарова**

Владимир Спартакович Мильбах

Михайловская военная артиллерийская академия, Россия
195009, Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: v.milbach@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из темных страниц отечественной истории – массовым политическим репрессиям 1937–1938 гг. в стране и в армии. На примере войск Забайкальского военного округа рассмотрено начало репрессивного процесса против командно-начальствующего состава. Приводятся полученные в результате проведенного исследования обобщенные статистические данные о репрессированных командирах и начальниках. На основе архивно-следственного дела М.М. Захарова показано, как фабриковались политические дела следователями НКВД. В научный оборот введены новые архивные источники.

Ключевые слова: Забайкальский военный округ; командно-начальствующий состав; репрессии; механизированный корпус; преступные методы ведения следствия.

Введение. Проблему политических репрессий накануне Великой Отечественной войны следует рассматривать как один из наиболее важных, поворотных этапов в развитии нашего государства. Особое значение приобретает исследование последствий политических репрессий в вооруженных силах, их влияние на состояние обороноспособности как в общегосударственном масштабе, так и в отношении отдельных территориальных общевойсковых объединений – военных округов.

В 1937–1938 гг. жертвами беззакония стали тысячи командиров и бойцов РККА, которые были оклеветаны и тайно умерщвлены от имени партии, правительства и всего народа. Основной удар политических репрессий был направлен против комсостава высшего звена: заместителей наркома обороны СССР, командующих войсками военных округов (флотов), их заместителей, командиров корпусов, дивизий, бригад. Одними из пострадавших от репрессий структур являлись Забайкальский военный округ и сформированный им 57-й особый стрелковый корпус; войска, которым вскоре после волны арестов и увольнений по политическим мотивам пришлось принять участие в вооруженном конфликте на р. Халхин-Гол.

Материалы и методы. Основными источниками для подготовки материалов статьи, как и для проведения исследования по проблеме политических репрессий в формированиях РККА, являлись документы Российского государственного военного архива (служебная переписка наркомата обороны, командующего ЗаБВО и особого отдела НКВД, отчеты Управления по начальствующему составу), а также документы архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (протоколы допросов, копии приговоров, справки об исполнении наказаний, копии постановлений Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации). В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования, в частности историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с другими событиями и фактами.

Обсуждение. Тема политических репрессий накануне Великой Отечественной войны достаточно актуальна, причем ряд авторов считают, что они не оказали никакого воздействия на неудачи начального периода войны. В качестве аргументов ими приводятся сведения о пополнении убыли командиров и значительном увеличении их штатной численности накануне войны. Такой «математический» подход не может считаться научно обоснованным, поскольку не учитывает те существенные изменения, которые произошли в ходе репрессий с основными составляющими боеспособности войск. В настоящее время остается не исследованным значительный объем архивных документов (часть его закрыта

для широкого круга исследователей), далеко не все фамилии жертв политического террора известны, не все последствия политических репрессий изучены.

В середине 1930-х гг. функционирующие на территории Восточной Сибири органы ОГПУ–НКВД (особые отделы) периодически подвергали арестам отдельных военнослужащих, в том числе командиров, подозреваемых в различных политических преступлениях. Постепенное нарастание накала внутривластной борьбы в стране с целью окончательной ликвидации какой-либо оппозиции и концентрации реальной власти в одних руках предполагало работу репрессивного аппарата на повышенных оборотах. Со второй половины 1936 г. ежемесячное количество арестов по политическим мотивам военнослужащих Забайкальского военного округа (ЗабВО) стало увеличиваться. Для того чтобы рассмотреть, как возникали политические дела на начальном этапе массовых репрессий в ЗабВО, целесообразно ознакомиться с делом командира танковой роты 3-го батальона 32-й механизированной бригады М.М. Захарова.

Пристальное внимание особого отдела НКВД к командно-начальствующему составу этого батальона было вызвано тем, что в начале 1936 г. батальон фактически сорвал задачу по передислокации в Монголию, растеряв половину танков в ходе марша от разъезда 76-й километр до Байн-Тумена. После разбирательства по административной линии были сделаны оргвыводы, причем объективное обстоятельство, что продолжительный марш совершался в условиях низких температур (мороз доходил до 40 градусов), не принималось во внимание. Некоторые должностные лица понесли наказания, например, был уволен из РККА начальник политотдела 32-й механизированной бригады И.И. Андреев. Развернувшиеся в стране внутривластные события заставили представителей особого отдела НКВД ЗабВО более пристально заняться командирами этой бригады: теми, которые ранее принадлежали к партийной оппозиции, были исключены из партии, допускали антипартийные высказывания. Одним из первых в поле зрения органов НКВД попал исключенный из ВКП(б) командир роты М.М. Зазаров, который не скрывал, что поддерживал идеи Л.Д. Троцкого и, будучи курсантом военной школы, разделял взгляды ленинградской оппозиции.

26 января 1937 г. капитан М.М. Зазаров был арестован особым отделом НКВД. Его допрос 31 января 1937 г. проводили начальник ОО УГБ НКВД 11-го мехкорпуса старший лейтенант Г.Б. Скакунов и полковой уполномоченный ОО младший лейтенант Г.Б. Попов. Следователи пытались через арестованного получить информацию о наличии в батальоне и в бригаде лиц, которые разделяли его троцкистские взгляды:

«Вопрос: Сообщите следствию, кто разделял Ваши троцкистские взгляды и поддерживал в этом Вас по службе в мехбригаде?»

Ответ: Я не могу назвать ни одного лица, которое могло бы разделить мои троцкистские взгляды, я ни с кем не говорил на эту тему. Мне известно, что комиссар бригады т. Андреев во время чистки рядов ВКП(б) говорил, что он голосовал за ленинградскую оппозицию в период 14-го съезда ВКП(б). Чистка проходила в конце 1933 г. в Детском Селе. Это же Андреев говорил сам при моем исключении из рядов ВКП(б) или на партактиве или на партсобрании» [1].

На допросе 5 февраля 1937 г. следователей интересовала обстановка в 3-м батальоне, которая способствовала моральному разложению и троцкистским выступлениям Захарова. Арестованный показал, что с 1934 г., после переброски бригады из ЛВО в Забайкалье, в 3-м батальоне усилилось пьянство среди командно-начальствующего состава: «Здесь пьянки приняли форму коллективных попоек, которыми был охвачен начсостав. В частности, постоянно пили я – Захаров, комроты Корбут, п/начштаба и после комроты – Канавин, комбат Швецов, помполит батальона Рыклин, секретарь парторганизации Лаймоев».

Следователи проявили интерес к разложенческой работе арестованного в роте и в батальоне. На допросе 21 февраля 1937 г. М.М. Захаров показал: «Полностью взять на себя ответственность за моральное разложение в роте и в батальоне я не могу, так как этому моральному разложению способствовало и возглавляло командование батальона в лице командира-комиссара батальона Швецова... Зная, что я исключен из партии как троцкист, он мне сказал: «Тебя, кажется, исключили за Троцкого?». Я ему ответил: «За троцкистские разговоры». На что Швецов сказал: «Какой ты троцкист, работай». После моего исключения из партии Швецов отношений ко мне не изменил, а по-прежнему продолжал со мной пить».

25 февраля 1937 г. вопрос следователя о контрреволюционной деятельности арестованного был поставлен более конкретно:

«Вопрос: Вы, будучи скрытым троцкистом, до последнего времени проводили контрреволюционную троцкистскую работу. Признаете ли Вы в этом себя виновным?»

Ответ: В этом виновным себя не признаю, но признаю себя виновным в том, что я, Захаров, в 1925–1926 г., будучи курсантом пехотной школы имени Склянского в городе Ленинграде, в период 14-го партсъезда принадлежал к ленинградской оппозиции, голосовал за платформу оппозиции, разделял взгляды с оппозицией по вопросу строительства социализма в одной стране, читал оппозиционные газеты, а ранее читал троцкистскую литературу».

Далее подследственный признал, что «имел до последнего момента связь личную и служебную с бывшими оппозиционерами-троцкистами», в числе которых Осипов Василий – в 1925–1926 гг. секретарь комсомольской организации Госбанка в г. Ленинграде и Лаймоев Анатолий – секретарь парторганизации 3-го танкового батальона, которого знал еще по совместной службе в 60-м стрелковом полку 20-й стрелковой дивизии в 1923–1924 гг.

На допросе 28 февраля 1937 г., отвечая на вопрос следователя: «С кем из троцкистов вы имели организационную связь, находясь в армии?», – арестованный показал: «Личную и организационную связь я, Захаров, имел с бывшим оппозиционером и троцкистом Лаймоевым Анатолием, с которым в период с 1933 г. по лето 1935 г. служил в 3-м танковом батальоне 32-й мехбригады. <...> Организационная связь у меня с Лаймоевым не носила характер сговора, мы не договаривались о совместном проведении троцкистской деятельности, но в период службы в 3-м танковом батальоне 32 мехбригады как я, так и Лаймоев, знали о пьянстве в батальоне, о плохой партработе, знали о неисполнении приказа НКО СССР в отношении экономии, учета и контроля боеприпасов в батальоне. <...> Со стороны Лаймоева и с моей стороны было взаимное понимание и покровительство друг другу. Со стороны Лаймоева по отношению ко мне покровительство выражалось в том, что он никогда не оказывал мне сопротивления, знал о моем пьянстве, срывах плана боевой подготовки в роте, знал об отсутствии командирской учебы в роте, знал, что я принимал участие в пьянке со стрельбой по портрету Ленина, где присутствовал и принимал участие в пьянке Лаймоев. Знал о моих троцкистских настроениях и выступлении оппортунистического порядка по вопросу о партии нового типа и Лаймоев, являясь секретарем парторганизации батальона, все это время меня к ответственности не привлекал и все это скрывал. <...> Я не могу показать, кто еще из начсостава батальона примыкал к оппозиции, кроме Лаймоева и меня, но зато я имел связь с рядом лиц начсостава батальона, практическая деятельность которых была одинаковой, как и моя троцкистская деятельность, а именно: командир-комиссар Швецов, командиры роты Корбут и Канавин, командир взвода Нихятин, которые не только знали и покрывали мою троцкистскую деятельность и Лаймоева, но и сами свою практическую деятельность проводили в том же духе, и я от них отличался тем, что я открыто выражал среди начсостава свои троцкистские настроения» [2].

На допросе 19 апреля 1937 г. относительно конкретных виновников неудачного марша в Баин-Тумен М.М. Захаров показал: «Прямыми виновниками этого вредительского действия, выразившегося в срыве боевого задания являлись: 1) троцкист – бригадный комиссар Андреев – фактически руководитель нелегальной троцкистской группы в 32-й мехбригаде; 2) командир-комиссар батальона Швецов – скрытый троцкист; 3) троцкист Лаймоев – бывший секретарь партбюро 3 танкового батальона 32 мехбригады и я – Захаров – бывший командир 1 роты 3 танкового батальона 32 мехбригады».

Таким образом, в течение трех месяцев следователи особого отдела НКВД 11-го мехкорпуса добились показаний о том, что срыв марша 3-го батальона в Баин-Тумен в 1936 г. – результат вредительской деятельности контрреволюционно настроенной части командно-начальствующего состава; о наличии в 3-м батальоне мехбригады троцкистской группы, между членами которой существовала организационная связь; о руководстве подрывной деятельностью этой группы начальником политотдела 32-й мехбригады И.И. Андреевым.

Протокол допроса М.М. Захарова от 24 августа 1937 г. по своему содержанию резко отличался от весенних протоколов и был составлен следователем лейтенантом Г.Б. Егоровым типично для периода массовых политических репрессий. Ранее полученные от подследственного показания блекнут перед сделанными им новыми признаниями и разоблачениями: «На протяжении семи месяцев я уклонялся от прямых показаний, теперь буду говорить правду. Подтверждаю, что в 32-й мехбригаде существует троцкистская организация и я являюсь участником этой организации». Таким образом, речь шла уже не о

«троцкистской группе», а о контрреволюционной троцкистской организации в 32-й мехбригаде, которая имеет разветвленную сеть. Оказывается, Захаров был не идейным бойцом-одиночкой, а действовал по указанию руководителя подпольной троцкистской ячейки Шевцова, в бригаде была широко развернута вербовка в контрреволюционную организацию, причем Захаров лично завербовал в нее Н.Ф. Павлова и И.И. Шацкого. Кроме ранее названных, появляются новые фамилии заговорщиков: Рыкалин, Казак [3].

Несмотря на то, что М.М. Захаров был арестован одним из первых в 1937 г., осужден он был лишь в октябре 1938 г. вместе с большой группой командиров и начальников ЗабВО. По мере расширения арестов в ЗабВО фамилия Захарова появлялась в различных протоколах допросов, обнаруживая все новые и новые его контрреволюционные связи вплоть до командования военным округом. Выездной сессией Военной коллегией Верховного суда СССР М.М. Захаров 5 октября 1938 г. был признан виновным в контрреволюционной деятельности и приговорен к расстрелу. Реабилитирован М.М. Захаров посмертно 22 октября 1966 г.

Значительно позже, в середине 1950-х гг., было установлено, что Захаров обвинен незаконно в результате следовательских фальсификаций и применения к нему незаконных методов следствия со стороны сотрудников НКВД. В справке по архивно-следственному делу №049278 по обвинению бывшего начальника особого отдела ГУГБ НКВД 11-го механизированного корпуса ЗабВО старшего лейтенанта Г.Б. Скакунова отмечено: «Из материалов дела видно, что Скакунов Н.Д., работая в органах НКВД, производил необоснованные аресты советских граждан, фальсифицировал следственные дела и документы, применял к арестованным меры физического воздействия и другие незаконные методы ведения следствия. На следствии арестованный Скакунов Н.Д. в числе лиц, к которым он применял меры физического воздействия, назвал Мернова, Онучина, Гребенник, Великанова, Кролевецкого, Антонова» [4]. Необходимо отметить роль начальников региональных управлений НКВД в Восточной Сибири, прежде всего Г.А. Лупекина и Г.С. Хорхорина, которые культивировали насаждаемую политическим руководством страны идею о необходимости насилия, инициировали на местах массовые аресты, поощряли преступные методы ведения следствия по политическим делам. Скакунов был не одинок в своей преступной деятельности по разоблачению «врагов народа», «шпионов» и «вредителей», ряд сотрудников ОО НКВД ЗабВО также применяли незаконные методы ведения следствия: Антипов, Видякин, Дрязгов, Желтиков, Жирнов, Зиновьев, Логачев, Розанов, Синюк, Лушкин [5]. После выполнения основной части карательной работы многие организаторы и исполнители стали не нужны и опасны системе: часть сотрудников была уволена из органов, некоторые из перечисленных «за нарушение социалистической законности» были преданы суду.

Случай с командиром роты М.М. Захаровым не был единичным. В период массовых политических репрессий многим командирам была уготована аналогичная судьба. Согласно данным УКНС РККА, в 1937–1938 гг. в ЗабВО по политическим мотивам был уволен 1601 командир (начальник), из них оказались арестованными 392 человека.

Сведения УКНС РККА периодически уточнялись по данным округов, которые не учитывали часть данных. Например, «Сведения о количестве уволенного и арестованного командного и начальствующего состава ЗабВО в 1937–1938 гг.» [6] сообщают о 567 уволенных (в т.ч. о 51 арестованном) в 1937 г. и о 565 уволенных (в т.ч. о 255 арестованных) в 1938 г. Исследования ряда отчетно-статистических документов архивного хранения, датированных 1939 г. [7], позволяют получить общие сведения по ЗабВО: в 1937–1938 гг. было уволено 1822 командира (начальника), из них не менее 480 человек арестовано.

Представляют интерес сведения о погибших командирах и начальниках. В настоящее время достоверно известно, что в ходе репрессий погибли 214 представителей командно-начальствующего состава из Забайкалья (были расстреляны, покончили жизнь самоубийством и погибли в местах лишения свободы). Жертвами беззакония стала значительная часть высшего состава: в 1937–1938 гг. в ЗабВО и МНР было уничтожено 36 представителей красного генералитета (расстреляны 32 человека и умерли в местах лишения свободы – 4 человека).

Были расстреляны бывшие командующие войсками округа командарм 2 ранга М.Д. Великанов, комкор И.К. Грязнов; начальники штаба округа комдивы А.И. Тарасов, Я.Г. Рубинов; заместители (помощники) командующего войсками округа комдивы

И.И. Карклин, К.Х. Супрун, М.Н. Шалимо; политические работники: корпусные комиссары А.М. Битте, В.Н. Шестаков, дивизионные комиссары Н.Я. Гладышев, Г.М. Кролевецкий, Г.Ф. Невраев, А.Я. Третьяков, бригадные комиссары Е.Б. Амалин, И.И. Андреев, С.К. Бондаренко, Н.И. Власов, Н.Н. Гребенник, А.С. Лебедев, С.А. Рудаков, В.Н. Русов, полковые комиссары Д.А. Федотов, К.Ф. Пустынский и другие; были уничтожены работники военной прокуратуры и военного трибунала: бригадные юристы А.Г. Сенкевич, Г.Г. Суслов, К.Я. Яковлев; работники штаба и служб ЗабВО комбриги В.И. Мернов и В.М. Турчан, полковники К.С. Петровец, Я.П. Славников, И.С. Толмачев, М.В. Цюпко, Я.Я. Эльсис, интенданты 1 ранга В.Ф. Мушкерев, Н.И. Успенский, военврачи 1 ранга Д.М. Креймер и В.С. Овсянников, военветврач 1 ранга В.К. Шелудько, майоры Г.Я. Мыльников, Ю.Г. Рубен, капитаны А.П. Махалов, И.И. Стукаленко, лейтенант В.Н. Парнов и другие.

Погибли в ходе политических репрессий командиры соединений и частей округа: комкор К.А. Чайковский, комдивы Ф.В. Васильев, М.А. Горбунов, Я.Л. Давидовский, В.С. Коханский, комбриги Г.М. Бондарюк, А.Т. Мешков, полковники В.И. Бурсаков, М.И. Кундо, П.Г. Марченко, А.П. Пакалн, В.М. Пылев, А.Б. Слуцкий, майор И.С. Бондарев. Были расстреляны начальники штабов соединений: полковники М.В. Жарников, Ю.Ф. Фаркаш, А.А. Эрнстон.

Были приговорены к различным срокам заключения комкор Н.В. Лисовский, комдив В.Д. Цветаев, комбриг М.И. Болотков, интендант 1 ранга Ф.Н. Дмитриенко, полковники Т.В. Давыдов, Г.В. Чикин, полковой комиссар А.Г. Иванов, батальонный комиссар А.П. Рожков и другие.

Органы НКВД старались не оставлять следов и свидетелей кровавых расправ. Приговоренных к расстрелу группами вывозили из тюрем, следственных изоляторов в ближайший пригород, где в безлюдном месте и приводили приговор в исполнение, или производили расстрелы в специально отведенном помещении изолятора, куда арестованных вызывали как на допрос. Тела расстрелянных сбрасывались в вырытые ямы, туда же сваливали личные вещи приговоренных, которые имелись у них при аресте. Места захоронений маскировались и брались под негласное наблюдение НКВД (позже КГБ), чтобы избежать нежелательных земляных работ и последующей огласки.

О кровавых страницах в истории ЗабВО напоминают и обнаруженные массовые захоронения под Иркутском и Читой. Так, 24 июля 1991 г. в окрестностях г. Читы, в 5 километрах от с. Смоленка, было обнаружено массовое захоронение неизвестных лиц с признаками насильственной смерти. На одном из участков этого захоронения из-под двухметровой глубины извлечены остатки 51 скелетированного трупа. В шести черепах обнаружены повреждения, характерные для огнестрельных ранений. Обнаруженные на месте захоронения стреляные гильзы и пули, предметы военной амуниции – патронташи, револьверные и пистолетные кобуры, сапоги армейского образца – свидетельствуют о том, что именно здесь были захоронены и воины-забайкальцы, павшие жертвами политического террора. Примерное время захоронения – конец 1937 г. – начало 1938 г. [8].

Развернувшиеся в мае 1939 г. при непосредственном участии войск 57 ОК и ЗабВО события на р. Халхин-Гол наиболее объективно показали состояние войск, подвергшихся политической чистке. Исследования показывают, что после волны политических репрессий претерпели изменения в худшую сторону основные компоненты боеспособности войск: организованность и воинская дисциплина, морально-боевые качества личного состава, укомплектованность личным составом, уровень организации управления, боевая выучка [9]. Отдавая долг мужеству и героизму советских и монгольских воинов, необходимо подчеркнуть, что успех в вооруженном конфликте на р. Халхин-Гол был достигнут прежде всего за счет создания количественного превосходства советско-монгольских войск над противником в силах и средствах перед началом решающего сражения 20 августа 1939 г. Эта нелегкая победа была достигнута и ценой больших потерь (безвозвратные потери – 9703 чел., санитарные – 15952 чел.) [10], которые в значительной степени были обусловлены политическими репрессиями комначсостава в 1937–1938 гг.

Следует подчеркнуть, что завершение массовых политических репрессий в ЗабВО хронологически совпало с началом интенсивного развертывания войск военного округа. Накануне Великой Отечественной войны увеличилось число соединений и частей ЗабВО. Если в 1938 г. в войсках округа было 4 дивизии, в 1939 г. – 7 дивизий, в 1940 г. – 9 дивизий, то к июню 1941 г. их число возросло до 17 (из них 4 авиационные) [11]. Возросло и число управлений, штабов, учреждений, но количества подготовленного комначсостава, особенно старшего и высшего

звена, то есть тех, по кому пришелся основной удар политических репрессий, явно не хватало, и это не могло не сказаться на уровне управления войсками, состоянии боевой, оперативной подготовки, организованности и воинской дисциплины, на боеспособности войск округа в целом.

Заключение. Политические репрессии в ЗабВО имели некоторые специфические особенности. Необходимо отметить высокую степень участия в происходящих событиях всех управленческих, политических и других звеньев структуры ЗабВО. Следует выделить несколько базовых политических дел, которые были использованы впоследствии органами НКВД для расширения политических репрессий в ЗабВО. Прежде всего – это дело бригадного комиссара И.И. Андреева и дело капитана М.М. Захарова, события которых относятся к 1934–1936 гг.; с началом массовых репрессий весной 1937 г. именно они стали исходным материалом для фабрикации других политических дел и создания видимости разгрома военно-политического заговора в ЗабВО.

Примечания:

1. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-62733. Л. 384.
2. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-62733. Л. 396.
3. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-62733. Л. 402–407.
4. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-63050. Л. 573.
5. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-62837. Л. 148.
6. РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 152.
7. РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 156; 185–190, 277.
8. Материалы экспозиции Музея войск ЗабВО (г. Чита).
9. Советская военная энциклопедия. В 8 т. Издание второе. Т. 1. М.: ВИ. 1990. С. 435–436.
10. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. Авт. коллектив под рук. Г.Ф. Кривошеева. М.: 2001. С. 179.
11. Подсчитано по: РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Л. 4–20; Архивной справке ЦАМО № 3/п-50505 от 25.05.1999г.; ЦАМО. Ф. 210. Оп. 13143. Д. 1.

References:

1. Arkhiv UFSB po SPb i LO. D. P-62733. L. 384.
2. Arkhiv UFSB po SPb i LO. D. P-62733. L. 396.
3. Arkhiv UFSB po SPb i LO. D. P-62733. L. 402–407.
4. Arkhiv UFSB po SPb i LO. D. P-63050. L. 573.
5. Arkhiv UFSB po SPb i LO. D. P-62837. L. 148.
6. RGVA. F. 37837. Op. 18. D. 749. L. 152.
7. RGVA. F. 37837. Op. 18. D. 749. L. 156; 185–190, 277.
8. Materialy ekspozitsii Muzeya voisk ZabVO (g. Chita).
9. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. V 8 t. Izdanie vtoroe. T. 1. M.: VI. 1990. S. 435–436.
10. Rossiya i SSSR v voynakh KhKh veka: Statisticheskoe issledovanie. Avt. kollektiv pod ruk. G.F. Krivosheeva. M.: 2001. S. 179.
11. Podschitano po: RGVA. F. 25871. Op. 2. L. 4–20; Arkhivnoi spravke TsAMO № 3/p-50505 ot 25.05.1999g.; TsAMO. F. 210. Op. 13143. D. 1.

UDC 930

**Political Repressions by Senior Offices of Transbaikal Military District
Case of Tank Squadron Commander M.M. Zakharov**

Vladimir S. Milbakh

Mikheylovsky military artillery academy, Russia
195009 g St. Petersburg, Komsomola St., 22
Doctor of historical sciences, assistant professor
E-mail: v.milbakh@yandex.ru

Abstract. The article features one of the dark pages in Russian History – Mass Political Repressions in the country and in the army in 1937–1938. The starting point of repressions against the senior officers is shown on the example of Transbaikal Military District. The statistical data on political prisoners (chief officers, commanders), poorly disguised political cases by NKVD officers are shown. New archival files have been uncovered.

Keywords: Transbaikal Military District; senior officers; repressions; mechanized corps; illegal interrogation techniques.